

Алифоренко Елена Сергеевна,
учитель английского и французского языков,
МАОУ «Гуманитарный лицей», г. Томск

РЕЧЕВОЙ АКТ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ВИД РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В нашей работе по проблеме речевых актов мы рассматривали выделение и описание речевых актов. Понятие речевого акта/речевого жанра мы вели от Бахтина, речевой акт – это не просто предложения, а высказывания, которыми можно обмениваться в процессе говорения.

Количество речевых актов огромно, мы (люди) обладаем богатым репертуаром устных и письменных речевых актов (РА). На практике мы очень уверенно пользуемся ими, но вот теоретически даже можем и не знать об их существовании.

Основным признаком РА является признак целенаправленности, цели, намерения говорящего. Одно и то же предложение может выражать разные речевые замыслы говорящего – быть сообщением, угрозой, обещанием....

После проведения эксперимента и различных технических моментов типа просмотр словарей (толковых, синонимов...) нами было выделено определенное количество РА, которые были воспроизведены по схеме.

Например. Признания. Общая идея – когда человек говорит о том, о чем обычно он умалчивает или говорит неохотно. Глагол: каяться (покаяться). Схема: 1. X совершил плохой поступок D или обладает нежелательным свойством D. 2. Раньше X скрывал, что D. 3. Адресату или третьим лицам известно, что D. 4. X говорит, что D. 5. X говорит это, потому что по внешним причинам или внутренним не может не сказать D.

В качестве пресуппозиции глагола каяться – плохой поступок. А причиной, по которой он решил сказать правду о себе – это внутренняя потребность, соображения разума, а иногда и внешние обстоятельства. Говорящий должен совершить некое усилие, прежде чем высказать что-либо.

Теория речевых актов рассматривает каждое речевое произведение как результат определенного речевого акта, имеющего те или иные специфические особенности.

Художественный текст, будучи продуктом коммуникации, может быть рассмотрен как результат отдельного особого речевого акта. Текст литературного произведения можно рассмотреть как *высказывание* автора о коммуникации, имевшей место между персонажами в воображаемой действительности. Таким образом, литературная коммуникация предстает как коммуникация о коммуникации – метакоммуникация.

Макро-речевой акт: (совершается с помощью текста всего художественного произведения) автор выступает как мета-говорящий, а читатель – мета-адресат. В этот акт включаются микро-речевые акты, где говорящими и адресатами высказываний являются персонажи. Включение других литературных речевых актов в литературный является одной из главных черт.

В текстах повествование ведется от имени рассказчика (не обязательно представлен в тексте эксплицитно, не обязательно выражается 1-м лицом). За фигурой рассказчика всегда стоит фигура автора (в мемуарах – совпадают) – 2 автора. Нельзя забывать, что рассказчик и персонажи вымышлены, а автор реален.

Читатели выступают мета-адресатами литературного речевого акта. Это – реальные лица, количество из не ограничено. Они могут иметь определенные сведения об авторе, автор же в момент создания своего произведения еще не знаком со своей аудиторией. Даже если в тексте есть «читатель» – относится не к реальному, а к конструируемому автором адресату. (произведение – как высказывание, обязателен фактор говорящий – адресат).

Речевой акт литературной коммуникации – макро-акт. Его можно трактовать как сообщение о нереальном мире и происходящих в нем событиях. Литературный акт включает в себя микроакты: внутренние и внешние. Например, когда метаговорящий как бы непосредственно проникает в сознание персонажа и становится свидетелем его мыслительной и эмоциональной внутренней деятельности – в таких случаях необходимо употребление семантико-грамматических форм он почувствовал, он предположил. . . .

В реальном мире нет доступа к внутреннему состоянию человека. Подобные высказывания дают автору возможность описывать не только выражение персонажами мыслей и чувств, а их непосредственное переживание.

Акт восприятия читателем художественного текста – чтение также трактуется как коммуникативный процесс. Результатом этого процесса является изменение системы знаний и оценок мета-адресата.

Характерно, что в актуальном речевом акте высказывание и восприятие совпадают по времени, в отличие от литературного текста. Связь происходит по особому графическому, визуальному каналу. Читатель из всего возможного набора всевозможных интерпретаций выбирает те, чью достоверность он считает более явной. Делает он это на основании своей коммуникативной компетенции, субъективных оценок внутреннего мира.

Коммуникация в случае художественной литературы отличается от реальной еще и тем, что внимание читателей фокусируется не только на том, что говорится, но и на том, как говорится. (не важно требование реальной коммуникации о максимуме семантической информации в минимально коротком высказывании.) Цель автора состоит в том, чтобы передать свое внутренне душевное состояние и изменить набор знаний и оценок читателя (обязателен эффект воздействия). Представленные в тексте речевые акты (микроакты), о каких бы невероятных событиях в них не говорилось, не могут быть принципиально иными, чем в реальной коммуникации.

Воздействие на любого адресата, будь он героем произведения или читателем, различно. Оно может лишь совпадать с мнением героя, автора, автора – метаговорящего и т.д., а может полностью отличаться от всех представленных точек зрения. В этом и заключается уникальность художественного произведения. Об идее автора (метаговорящего) можно догадываться, пробовать трактовать (конечно, при условии, что сам автор не описал ее), но за счет временного разрыва идея может трактоваться по разному, в зависимости от читателя, который воспринимает текст как РА и является реально существующим объектом коммуникации. Без читателя не будет и коммуникации, как бы много книг ни было написано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. – М.: Искусство, 1979. – 418 с.
2. Вежбицка А. *Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике – М., 1978. – Вып. 8. – С. 402-415.*
3. Вежбицка А. *Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. –*

С. 251-276.

4. Вежбицка А. Речевые жанры // *Жанры речи*. – Саратов, 1997. – С. 99-111

5. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. – Саратов, 1997. – С. 88-98

6. *Speech acts*. - http://arts.uwa.edu.au/LingWWW/LIN101-102/notes-101/speech_acts.html

7. Wierzbicka A. *The Ignorative: The Semantic of Speech Acts // Lingua metalica. The Semantic of natural language*. - Sydney.: Academic press, 1980. - p. 287-347.

Афонина Наталья Ивановна,

аспирант кафедры педагогики,

ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный гуманитарный университет»,

г. Мурманск

РАННЕЕ ДВУАЗЫЧИЕ: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Усвоение ребёнком раннего возраста второго языка – сложный, многоаспектный процесс. Он включает и лингвистическую, и психологическую, и педагогическую составляющие. Н.Ш. Александрова отмечает, что второй язык для ребенка представляет еще одну целостную языковую систему, а не дополнительные языковые единицы, подчёркивает, что «в случае раннего двуязычия ... наблюдается изменение всей программы реализации врожденной языковой способности» [2]. На основании анализа исследований в области онтобилингвологии, Г.Н. Чиршева рассматривает принципы формирования детского билингвизма, на основе которых выявляет четыре схемы и шестнадцать вариантов языкового развития в биэтнических и моноэтнических семьях в разных языковых условиях [8]. Исследователи отмечают, что при двуязычии один язык (родной) человек осваивает в полном объёме, а второй язык может использоваться в разном объёме: от нескольких слов до совершенного владения [5, с.89], [7, с.29].

Г. Диллер представляет две модели раннего двуязычия: *одновременное* овладение двумя языками как родными ребёнком в возрасте от одного до трёх лет и *последовательное* двуязычие. По мнению Г. Диллера, в первой ситуации, когда каждый из родителей говорит с ребёнком только на своём родном языке, «уже в 2-годовалом возрасте дети могут принципиально разделять языки, применять свои языки в соответствии с речевым партнёром и корректировать свой выбор языка» [4]. А в ситуации последовательного двуязычия подразумевается первый контакт ребёнка со вторым языком в возрасте 3-4 лет. Обзор литературы по раннему двуязычию показал, что существуют приверженцы как первой, так и второй стратегии освоения ребёнком второго языка в раннем возрасте.

Рассмотрим первую точку зрения, когда исследователи выступают за *одновременное (параллельное) изучение* двух языков. Г. Диллер считает, что «в интересах оптимального языкового развития детей с многоязычным окружением конфронтация с новыми языками должна начинаться по возможности как можно раньше» [4]. Т.Ц. Тудупова и М.Д. Цыремпилова подчёркивают,